

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ В КОМАРОВЕ

О последних годах жизни Анны Ахматовой вспоминает поэт Анатолий Найман.

Я ЗАСТАЛ ее в сравнительно благополучные годы. Литфонд выделил ей дачу в Комарове, дощатый домик, который она скорее добродушно, чем осуждающе, называла будкой, как хатку под Одессой, где она родилась. Его и сейчас можно видеть, один из четырех на мысочке между улицами Осипенко и Озерной. Как-то раз она сказала, что нужно быть незаурядным архитектором, чтобы в

таком доме устроить только одну жилую комнату. В самом деле: кухонька, комната средних размеров, притом довольно темная, а все остальное — коридоры, веранда, второе крыльцо. Один угол топчана, на котором она спала, был без ножки, туда подкладывались кирпичи. Когда в 1964 году она поехала в Италию получать литературную премию, некоторые носильные вещи пришлось взять взаймы: по возвращении я отнес шерстяной, свалявшийся шарф вдове Алексея Толстого...

Бездомность, неустроенность, скитальчество. Готовность к утратам, пренебрежение к утратам, память о них. Неблагополучие, как бы само собой разумеющееся, не напоказ, но бьющее в глаза. Не культивируемое, не — спутанные волосы, не намеренное занавивание платья до дыр. Не поддельное — «три месяца уже не дают визу в Париж». Неблагополучие как норма жизни.

Неблагополучие — необходимая компонента судьбы поэта, во всяком случае поэта нового времени. Ахматова считала, что настоящему артисту, да и вообще стоящему человеку, не годится жить в роскоши. «Что это он фотографируется только рядом с дорогими вещами?» — заметила она, рассматривая в журнале цветные фотографии Пикассо.

...Комаровская почтальонша принесла телеграмму с просьбой американского профессора такого-то принять его в такое-то время. Ахматова буркнула: «Чего им дома не сидится?» — и в назначенный час погрузилась в кресло у окна.

Гость приехал с собственным переводчиком. Она попросила меня остаться. Профессору было лет сорок, он имел обширные планы — намеревался писать сравнительную историю нескольких государств. Сейчас он собирал материалы по России и, в частности, от Ахматовой хотел узнать, что такое так называемый русский дух. Он объяснил с прямотой богатого бизнесмена: «В Америке мне сказали, что вы очень знаменитая, я прочел некоторые ваши вещи и понял, что вы единственный человек, который знает, что такое русский дух». Ахматова вежливо, но довольно демонстративно перевела разговор на другую тему. Профессор настаивал на своей. «Мы не знаем, что такое русский дух», — произнесла Ахматова сердито. «А вот Федор Достоевский знал!» — решился американец на крайний шаг. Он еще кончал фразу, а она уже говорила: «Достоевский знал много, но не все. Он, например, думал, что если убьешь человека, ты станешь Раскольниковым. А мы сейчас знаем, что можно убить пять — десять, сто человек — и вечером пойти в театр».

...По утрам она выходила к завтраку свежая, как-то внезапно, и создавалось впечатление, что от вчерашней «спокойной ночи» до сегодняшнего «доброе утро» прошло время, в течение которого ей удалось побывать где-то в таком месте, о котором есть что порассказать, и что ей приятно после такой разлуки снова встретиться с друзьями.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ В КОМАРОВЕ

Окончание.

Начало на стр. 5

С большой неохотой она выходила на единственную прогулку в день, хотя врачи настаивали на двух-трех. Маршрут был, как правило, до Озерной и обратно аллежкой, проложенной в сосновом лесу. В нескольких метрах от Озерной была низенькая скамейка, она ненадолго присаживалась и, продолжая разговор, начинала водить концом трости по земле влево и вправо, так что вскоре появлялся свободный от опавшей хвои сегмент чистой сероватой почвы. Было что-то завораживающее в этом похожем на качание стрелки метронома скольжении тонкой коричневой палочки и постепенном очищении черной земли, как бы грифельной доски, готовой для письма в окружении желтых иголок. Я ловил себя на том, что это неожиданно стало существовать и интересней беседы, что под эти шаркающие звуки и вычерчивание дуг беседа может быть все равно какая.

Недалеко от ее домика стояла дача критика, который в конце сороковых годов сделал карьеру на травле Ахматовой. Проходя мимо этой двухэтажной виллы, она приговаривала: «На моих костях построена». Однажды мы медленно шли по дороге на озеро, когда появился шагавший нам навстречу хозяин дачи со своей молоденькой дочерью. Сняв берет, он почтительно поздоровался с Ахматовой. Она не ответила потому, может быть, что действительно не заметила или могла не заметить. Тогда он обогнал нас

лесом, зашел вперед и еще раз так ее приветствовал. Она поклонилась. Через несколько минут я спросил, зачем она это сделала, если узнала его. Она ответила: «Когда вам будет 75 и такое же дырявое, как у меня, сердце, вы поймете, что легче поздороваться, чем не поздороваться». Про двух знаменитых ленинградских писательниц говорила: «Пишут большие романы и строят большие дачи».

...Она любила лето и зиму — за устойчивость, определенность, а весну и осень недолюбливала — за непостоянство, «переходность», хотя московская весна, жаркая, грязная, стремительно обрушивающаяся на город, всегда была ей очень по душе.

Ей нравилось собирать грибы — вокруг дома и по дороге на озеро — и чистить их. ...Стоявший в ее комнате у окна ломберный столик служил и письменным столом и обеденным — «застольная песенка» описывает именно это двойное его употребление: «Под узорной скатертью не видать стола», а дальше в стихах есть о том, что творилось на нем, как на письменном. Из гостиной комната вдруг превращалась в столовую. Когда приближалось время обеда, на столик набрасывалась скатерка, расставлялись приборы.

...В ее комнате против деревянной полки с самыми разными книгами, от подаренной, только что вышедшей, которую она, как правило, спешила кому-то подарить, до французского томика Парни или латинского Горация, стоял старый ламповый радиоприемник «Рекорд»... Она говорила, что у него внешность, предполагаю-

щая на стене над ним обязательный портрет Сталина; в журналах 40-х годов печатались фотографии уютных комнат с улыбающимся семейством, с изобилием на столе, с фикусом, со Сталиным в красном углу.

...У изголовья топчана на низеньком столе стоял электрический проигрыватель: либо я брал его в местном пункте проката, либо кто-то привозил из города. Она слушала музыку часто и подолгу, и разную, но получалось, что на какой-то отрезок времени какая-то пьеса или пьесы вызывали ее особый интерес. Летом 1963 года это были сонаты Бетховена, осенью — Вивальди; летом 1964 года — Восьмой квартет Шостаковича... Она любила слушать «Багателли» Бетховена, много Шопена (в исполнении Софроницкого), «Времена года» и другие концерты Вивальди и еще Баха, Моцарта, Гайдна, Генделя.

Земля, хотя и не родная,
Но памятная навсегда,
И в море нежно-ледяная
И несоленая вода.

На дне песок, белее мела,
А воздух пьяный, как вино,
И сосен розовое тело
В закатный час обнажено.

А сам закат в волнах эфира
Такой, что мне не разобрать,
Конец ли дня, конец ли мира,
Иль тайна тайн во мне опять...

Словом, «земля, хотя и не родная, но памятная навсегда, в конце жизни, давшая ей приют под комаровскими соснами, под ними же и упокоившая ее прах.

**«Ленинградская Здравница»,
1991**